

ИЗ ПРОШЛОГО ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

СПЕНСЕР Г.

ИНДУКЦИЯ СОЦИОЛОГИИ¹

Соч. Т.1. Ч.И. СПб, 1898

Глава XI. ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

§ 264. Для поверки справедливости того общего взгляда, который был изложен нами в последней главе, следует рассмотреть те изменения в общественном строе, которые следуют за изменениями в общественной деятельности, причем мы снова встретимся с аналогиями между организмами общественными и индивидуальными. И в тех, и в других переход от кочевой жизни к оседлой сопровождается известными метаморфозами; и в тех, и в других переход от жизни, упражняющей главным образом внутреннюю систему, или систему органов поддержания жизни, к жизни, упражняющей по преимуществу внешнюю систему, или систему тратящих органов, опять-таки сопровождается известными метаморфозами; и в тех, и в других можно видеть также метаморфозы обратного порядка.

Молодые особи многих беспозвоночных, из отдела кольчатых и мягкотелых, проходят через такую ступень развития, в продолжение которой они очень деятельно движутся туда и сюда. По окончании этого периода они усаживаются прочно на таком предмете или в таком месте, которое наиболее подходит для их дальнейшей жизни, и претерпевают весьма существенные изменения в своем строении: их двигательные органы и органы чувств, руководящие этими последними, постепенно атрофируются и исчезают, а органы, служащие для присвоения той пищи, которая доставляется им окружающей их средой, сильно разрастаются, и вообще вся система органов поддержания жизни быстро увеличивается в своем объеме. Превращение совершен-

¹ Окончание. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 2-4.

но противоположного характера хорошо знакомо нам из тех явлений, которые каждому случалось наблюдать у насекомых, т.е. из превращения личинки в imago, или взрослое насекомое. Окруженная со всех сторон пищей личинка будущего мотылька или мухи развивает в себе почти исключительно систему органов поддержания жизни; но ее органы передвижения находятся в самом зачаточном состоянии или же она вовсе не имеет их; соответственным же несовершенством отличаются и ее органы чувств. После громадного увеличения в объеме и после значительного накопления пластических материалов она начинает развивать свои внешние органы, с соответственным им регулятивным аппаратом, между тем как органы питания начинают уменьшаться в объеме; и, таким образом, она становится приспособленной для деятельных сношений с существованиями внешней среды.

При рассмотрении этих двух противоположных родов метаморфозы для нас важно обратить внимание на одну истину, общую им обоим, а именно на то, что каждая из двух главных систем, т.е. система органов для внешних деятельностей и система органов для внутренних деятельностей, то развивается, то убывает, смотря по тому, какую жизнь ведет агрегат. Хотя, при отсутствии строго определенных общественных типов, прочно установившихся путем унаследования своих признаков от бесконечного ряда обществ-прародителей, общественные метаморфозы и не могут быть относимы с такой определенностью к изменениям в образе жизни, возникающим в известном определенном порядке; однако же аналогия подтверждает справедливость того заключения, к которому мы уже пришли выше, на основании других данных, а именно, что внешние и внутренние аппараты с их регулятивными системами должны развиваться или чахнуть, сообразно тому, будет ли деятельность общества становиться более воинственной или более промышленной.

§ 265. Прежде чем рассматривать, каким образом вызываются метаморфозы, посмотрим на те обстоятельства, которые мешают их появлению. Я уже намекал выше, что общество, не

унаследовавшее своего специального устройства от ряда обществ-предков, ведущих одинаковый образ жизни, не может претерпевать метаморфоз строго определенного рода и в строго определенном порядке, так как действие внешних влияний перевешивает тут действие унаследованных стремлений. Теперь же мы можем с удобством указать на обратную истину, заключающуюся в следующем: когда несколько обществ, происшедших одно от другого, вели постоянно один и тот же образ жизни, то в последнем результате этого ряда обществ получается тип, до такой степени прочно установившийся в своем цикле развития, зрелости и упадка, что для него становятся невозможными какие бы то ни было новые метаморфозы.

В подтверждение этой истины можно указать вообще на нецивилизованные племена: почти все они обнаруживают очень мало стремления изменять свою общественную деятельность и устройство, сообразно с изменением обстоятельств, и скорее вымирают, чем приспособляются к новым условиям жизни. Это можно видеть даже у более высоких разновидностей человека, как, например, у кочующих арабских племен. Новейшие бедуины представляют нам такую форму общества, которая, судя по всему тому, что нам известно на этот счет, продолжала оставаться существенно той же самой в продолжение последних 3000 лет или даже более, несмотря на соприкосновение с соседними цивилизациями. Мы имеем также доказательства того, что у некоторых семитов кочевой тип, уже в самые древние времена, до такой степени всосался в плоть и кровь общества, что выразился даже в религии. Так, один из религиозных уставов рехабитов гласит следующее: «вы не должны ни строить домов, ни сеять хлеб, ни насаждать виноградников, ни даже владеть такими; но должны все дни вашей жизни провождать в шатрах». Подобным же образом Э. В. Робертсон свидетельствует, что «один из законов древней Набатейской конфедерации объявлял уголовным преступлением посев хлеба, постройку дома или посадку дерева... Кочевники твердо и неуклонно держались принципа — превращать всякую занятую ими страну в пустынное,

открытое пастбище. Они смотрели на такой образ действий, как на религиозный долг».

Переход от кочевого быта к оседлому, встречающий такое сильное препятствие со стороны устойчивости первобытного общественного типа, наталкивается также и на другие помехи. Описывая горные племена Арракана (в Индии), живущие по реке Куладайну, лейтенант Латтер говорит:

«Каждый участок земли редко дает более одной жатвы; на следующий год жители подобным же образом выбирают и засевают другой участок; пока, наконец, не истощится вся земля вокруг селения; тогда они переселяются в новую местность, строят себе там новые жилища, и тот же самый процесс повторяется сызнова. Подобные переселения совершаются через каждые два года, так что они служат даже средствами счисления длинных промежутков времени; таким образом, индеец из племени тунгта, говоря о каком-нибудь событии, скажет вам, что оно случилось за столько-то переселений назад».

Очевидно, что обычай этого рода, зависящий отчасти от природной непоседливости, унаследованной от предков-кочевников, зависит отчасти и от неразвитости земледелия, т.е. от отсутствия тех способов, с помощью которых густонаселенные страны придают своей почве постоянное плодородие. Это промежуточное состояние между кочевым и оседлым весьма обыкновенно во всей Африке. Существует замечание, что «общество в Африке есть растение травянистого (недолговечного) характера, не имеющее прочного, многолетнего корня: оно быстро вырастает, быстро увядает и может быть ежегодно выжигается под корень, без уменьшения его общей производительности». Рид рассказывает, что «туземцы экваториальной Африки постоянно переменяют места своих поселений». Подобным же образом и Томпсон говорит о бечуанах: «их города так велики, что содержат по несколько тысяч жителей; тем не менее для перенесения их с места на место достаточно простого каприза вождя; так что по своей подвижности они похожи на арабские станы». Подобный же порядок вещей существовал и в перво-

бытной Европе: семьи и маленькие общины постоянно переселялись в пределах территории, принадлежавшей данному племени, из одного места в другое. Таким образом, переход от временных охотничьих деревушек, каковы поселения североамериканских индейцев, и от временных становищ пастушеских орд к прочно оседлым земледельческим общинам очень постепенен: люди непрерывно возвращаются к прежнему образу жизни и лишь очень медленно отрешаются от него вполне.

Итак, изучая общественные метаморфозы, следующие за изменениями в общественной деятельности, мы должны постоянно иметь в виду те сопротивления изменениям, которые представляет унаследованный общественный тип, а также и те сопротивления, которые противопоставляются им сохранением до некоторой степени прежних условий существования. Кроме того, мы должны постоянно ожидать возвращений к прежнему быту каждый раз, когда начинают снова преобладать эти прежние условия существования.

§ 266. Всего интереснее для нас превращения военного типа в промышленный и промышленного в военный. В особенности мы должны обратить внимание на те примеры, когда промышленный тип, уже отчасти развившийся в некоторых малочисленных случаях, снова регрессирует до военного с возобновлением международных столкновений.

Сравнивая эти два типа, мы уже видели, до какой степени принудительная кооперация, неизбежно вызываемая воинственной деятельностью, противоположна добровольной кооперации, столь же необходимо вызываемой промышленной деятельностью; мы видели также, что там, где принудительная регулятивная система, свойственная первой из них, не успела еще принять строгой, неизменно заочеченшей формы, непринудительная регулятивная система, свойственная второй из них, начинает обнаруживаться вместе с пробуждением промышленности, как только этому перестают препятствовать частые войны. Примером этого может служить великое веяние свободы, обнаружившееся в наших политических учреждениях в продолжение дол-

гого мира, наступившего в 1815 году. Другой пример такого же рола доставляет нам Норвегия, в которой отсутствие войн и развитие свободных учреждений шли рука об руку. Но мы должны сосредоточить наше главнейшее внимание на доказательствах того, что возобновление воинственных нравов ведет к возобновлению военного типа общественного устройства.

Я не намерен останавливаться здесь ни на тех примерах, которые доставляет нам древняя история; ни на двукратном возвращении к монархии голландской республики, вследствие ретроградных влияний войн; ни на временном отступлении от парламентского управления к деспотическому, явившемся у нас как следствие войн протектората; ни на последствиях ряда побед первой французской республики, превративших ее в военный деспотизм. Достаточно будет, если мы рассмотрим только те факты, которые представляет нам история новейшего времени. Так, например, очевидно, что, со времени установления в Германии, вследствие последних войн, более сильно централизованной правительственной власти, в ней обнаруживается повсюду более принудительный порядок (*regime*), как мы можем видеть это и из обращения Бисмарка с духовной иерархией, и из заявления Мольтке, что для безопасности государства от внешних нападений и для сохранения внутреннего порядка необходимо, чтобы военный бюджет не зависел от голосований парламента; и, наконец, из тех мер, которые приняты недавно в Германии в видах централизации государственного надзора над железными дорогами империи. Во Франции мы видим, как всегда, что первый солдат представляет в то же время и первое должностное лицо в государстве; мы видим тут удержание для многих местностей осадного положения, порожденного войною, и непрерывное продолжение многочисленных стеснений свободы при номинально свободной форме правительства. Но самыми ясными подтвердительными примерами могут служить подобные же перемены, испытанные в последнее время нашим собственным обществом, так как промышленный тип развит у нас далее и сильнее, чем на континенте, а потому сфера для обнару-

жения ретроградных отступлений здесь гораздо шире, чем где бы то ни было.

Все эти перемены были вызваны частью действительными войнами, частью же приготовлениями к могущим быть войнам. Во-первых, после вступления на престол Наполеона III, с которого начинаются эти перемены, мы участвовали в крымской войне; затем усмиряли мятеж в Индии; потом вели войну с Китаем и, наконец, недавно имели несколько менее важных войн в Абиссинии и Ашанти)². Во-вторых, и главным образом, у нас обнаружилось в недавнее время развитие заново военной организации и воинственных чувств, вызванное новым развитием их на континенте. Едва ли нужно доказывать ту истину, что у народов, как и у индивидов, угрожающее положение других заставляет принимать оборонительное положение. Отсюда объясняются недавние увеличения наших затрат на армию и флот, постройки новых укреплений, формирование корпусов волонтеров, учреждение постоянных лагерей, репетиции осенних маневров и заведение военных станций по всему королевству.

Из числа признаков, сопровождающих это возвращение к военному типу, следует заметить прежде всего оживание хищнической деятельности. Аппараты, выработанные в видах обороны, всегда бывают пригодными также и для нападения и всегда действительно стремятся перейти к нападению. Так, например, военная и морская организация Афин, развившаяся в видах сопротивления внешнему врагу, скоро начала действовать сама наступательным образом. Так, во Франции победоносная армия республики, сформированная для отражения чужеземных вторжений, вскоре вторглась сама в чужие страны. То же самое бывает всегда и повсюду. Так было и с нами. В Китае, в Индии, в Полинезии, в Африке, в Ост-Индском архипелаге мы постоянно находим поводы, — поводы, в которых ни один обидчик никогда еще не чувствовал недостатка, — для расширения наших

² После того как это было написано, следовали авганская, египетская и зулусская войны.

владений: без употребления насилия, когда это возможно, и путем насилия, когда это нужно. Едва мы успели овладеть Фиджийскими островами, уступленными нам добровольно только потому, что на практике не представлялось никакого другого исхода, как уже является предложение об овладении островом Самоа. Приобретя путем вымена, территорию, связанную предшествовавшим этому обмену трактатом, мы считаем возможным притворяться ничего не знающими об этом трактате и настаивание на его выполнении принимаем за достаточное основание для войны с ашантиями. В Шербро наши договоры с туземными вождями породили всеобщий беспорядок, после чего мы посылаем отряд для подавления этого беспорядка и немедленно начинаем утверждать о необходимости распространения нашей власти на более обширное пространство. Подобным же образом мы действовали и в Пераке: резидент, посланный для подавания советов, превращается в резидента, издающего повеления; он ставит султаном самого податливого из кандидатов на место того, которого предпочитают местные вожди; эта мера вызывает сопротивление, которое выставляется предлогом для употребления силы; он находит нужным узурпировать правительственную власть и действительно делает это; один из туземцев раздирает прокламацию резидента, за что слуга резидента убивает его на месте; раздраженное население умерщвляет вследствие этого самого резидента; эта смерть немедленно вызывает вопли о мщении (причем о предварительном умерщвлении туземца никто не упоминает ни слова), и военная экспедиция устанавливает над страной британское владычество. Идет ли речь о каренских племенах, избитых нами за сопротивление топографической съемке их страны, или о тех требованиях, которые были предъявлены нами Китаю, в силу теории, что жизнь британского путешественника должна считаться священной всюду, куда бы ему ни вздумалось забраться, и что смерть его непременно должна быть отомщена на ком-нибудь, — повсюду мы видим одно и то же, а именно, — что везде и всегда мы находим предлоги для ссор, ведущих потом к территориальным приобретениям

ям. Тот же самый дух обнаруживается и в палате общин, и в печати. Во время дебатов по поводу покупки Суэзского канала наш первый министр, намекая на возможность овладения Египтом, сказал, что английский народ стоит за сохранение своих владений, но что «он не испугается и их увеличения»; и эти слова были покрыты рукоплесканиями. А еженедельный орган христианства флибустьерского типа, доказывая недавно своевременность и необходимость уничтожения дагомейского королевства, восклицает: «возьмем Вайдах, и пусть туземцы попробуют отнять его у нас».

Рассмотрев новое, усиленное развитие у нас вооруженных сил и оживание снова хищнического духа, мы можем коснуться теперь того, что наиболее важно для нас, а именно — возвращения к военному типу всех наших учреждений вообще, т.е. к усилению централизации в нашей администрации и к усилению же принудительной регламентации. Во-первых, мы видим это внутри самой правительственной организации: роль военных судов по делам о морских несчастиях узурпирована главой морского ведомства; власть индийского правительства стеснена и поставлена в зависимость от министра, проживающего в метрополии; правительственные центры графств, стараясь свалить часть бремени, лежащего на отдельных графствах, на всю нацию поступились в то же время и частью своей власти. Военные должностные лица стремятся повсюду заместить гражданских должностных лиц; мы имеем уже военных начальников столичной и провинциальной полиции; лица военного звания занимают места в ведомстве общественных работ и в ведомстве ремесел и искусств; инспектора железных дорог назначаются из военного сословия; некоторые провинциальные городские советы назначают майоров и капитанов для исправления разных мелких гражданских должностей, зависящих от этих советов; понятно, что неизбежным результатом таких порядков является такой склад администрации, при котором гораздо более настаивают на правах власти и гораздо менее заботятся об индивидуальных притязаниях. Дух этой системы мы видим, например, в начерта-

нии и в выполнении актов о заразных болезнях, — актов, вышедших из военного и морского ведомств и нарушающих все те гарантии индивидуальной свободы, которые содержатся в наших конституционных формах; причем выполнение этих актов вверено центральной полиции, не ответственной перед местными властями. Да и наш общий санитарный надзор родственен по духу с этими актами; за последние несколько лет он постоянно расширялся и заключился теперь сформированием нескольких сотен округов, состоящих под управлением лиц медицинского ведомства, которые получают свое вознаграждение частью от центрального правительства и которые подчинены ему в своих действиях. Соответственная перемена произошла и во внутренней организации самой медицинской профессии: мы не находим уже возможным терпеть независимых медицинских обществ, выдающих дипломы, но мы требуем объединения всей профессии и единой экзаменационной программы. Администрация, заведующая приложением закона о бедных, также стала более централизованной: свобода действий советов попечителей постепенно все более и более ограничивалась распоряжениями местного правительственного совета. Этого мало. В то время как регулятивные центры Лондона поглощали функции провинциальных регулятивных центров, эти последние, в свою очередь, узурпировали функции местных торговых компаний: во многих городах городские советы сделались распределителями газа и воды; а теперь некоторые стараются достигнуть того же для Лондона (не лишено значения, что эта мера предложена и поддерживается здесь энтузиастом из военного сословия). Но эти общественные учреждения не удовольствовались этим и взяли еще на себя и роль домостроителей. Когда законодательное вмешательство увеличило излишние расходы при построении домов в такой мере, что возведение маленьких домов стало невыгодным для частных предпринимателей, то провинциальные городские советы взяли на себя постройку таких домов; и когда лондонский столичный совет предложил плательщикам налогов определить известную сумму на постройку домов для бедных в

Гомборнском округе, то государственный секретарь заявил, что этого мало и что они должны вотировать большую сумму! Подобное же значение имеет тот факт, что наша система телеграфов, развившаяся как часть промышленной организации, стала теперь частью правительственной организации. Подобное же стремление к увеличению правительственного аппарата на счет промышленного обнаруживают и ярые защитники покупки государством железных дорог; если их ходатайства и не имели пока успеха, то только потому, что у всех еще свежи в памяти те потери, которые понесло государство при покупке телеграфов. Как глубоко проникают подобные влияния, мы можем видеть из проектов насильственной филантропии, которые требуют вмешательства государственной власти в дело исправления народных нравов и совершенно забывают, что те стеснения, которые налагались в старину законами на поведение людей и которые были уничтожены в позднейшее время как тиранические, исходили обыкновенно из подобных же соображений. Они хотят сделать людей более умеренными посредством затруднения им возможности напиваться, т.е. для достижения своей цели они делают их менее свободными, чем прежде в деле покупки и продажи некоторых товаров. Вместо того чтобы расширять общий принцип, лежащий в основании промышленного типа и состоящий в доставлении каждому быстрого и дарового удовлетворения за тот крупный или мелкий вред, который граждане наносят друг другу, наши законодатели расширяют принцип, состоящий в предупреждении нанесения вреда путем правительственного надзора. Устройство рудников, фабрик, морских судов, отдаваемых внаймы домов, хлебопекарен, вплоть до ватерклозетов в частных домах, предписывается у нас законами, и за выполнением этих законов наблюдают официальные должностные лица. Вместо того чтобы бороться с подделкой товаров путем быстрых и неизбежных наказаний за нарушение контракта, они хотят уничтожить ее с помощью государственных инспекторов, обязанных анализировать разные продукты. Вместо того чтобы поддерживать основной закон добровольной коопе-

рации, состоящий в том, что каждая выгода должна быть куплена человеком за деньги, добытые им путем производительного труда, они стремятся сделать многие выгоды доступными всем, независимо от усилий, потраченных на их приобретение: даровые музеи, даровые библиотеки и т.п. должны быть устраиваемы на общественный счет и сделаны доступными каждому, независимо от его заслуг; таким образом, сбережения более достойных должны быть отобраны сборщиками налогов и сделаны средством доставления известных удобств менее достойным, которые ничего не сберегают. Параллельно безмолвному допущению положения, — что власть государства над гражданами не имеет определенных пределов, — положения, свойственного военному общественному типу, — начинает устанавливаться непоколебимая вера в суждение государства, — вера, также свойственная военному общественному типу. Люди предоставляют государству распоряжаться их телесным и душевным благосостоянием и не питают ни малейшего сомнения относительно его способности к этому. После многовековой борьбы с властью, которая навязывала людям силу свои учения, якобы ради их вечного блага, мы приглашаем теперь другую власть навязывать нам силу свои учения, якобы в интересах нашего временного, земного блага. В оправдание принудительности религиозного обучения мы ссылались в прежнее время на непогрешимое суждение папы; а теперь мы оправдываем принудительность светского обучения непогрешимым суждением парламента; и, таким образом, под угрозой тюремного заключения заслушание мы устанавливаем у себя воспитание, плохое по своему содержанию, плохое по способу преподавания и не менее плохое со стороны порядка, в котором преподаются предметы обучения.

Такое возвращение к принудительной общественной системе, сопровождающее возвращение к военному типу общественного устройства, неизбежно порождает и соответственную перемену в чувствах. Сущность торизма состоит в поддержании государственной власти против свободы личности; а сущность

либерализма состоит в отстаивании свободы личности против государственной власти. Но что же мы видим? Во все продолжение прошлого мирного периода индивидуальная свобода действительно все расширялась: посредством уничтожения религиозных помех к пользованию политическими правами, установления свободной торговли, уничтожения препятствий, мешающих развитию печати и пр.; но с того момента, когда началось это возвращение вспять, партия, выполнившая эти перемены, начала соперничать с оппозиционной партией в деле умножения государственных вмешательств, уменьшающих индивидуальную свободу. Чтобы видеть, до какой степени игнорировались при этом основные принципы свободного правления, и до какой степени эта перемена представляет прямое следствие чувств, питаемых воинственной деятельностью, стоит обратить внимание на дело о Суэзском канале, доказывающее это самым убедительным образом. Этот важный шаг, — который, не говоря уже о денежных затратах, ставил нацию в крайне серьезное и щекотливое положение по отношению к остальным державам, — был сделан министерством таким образом, что за представительным собранием народа осталась только номинальная, но ничуть не реальная власть переделать его. И что же? Вместо протеста против такого презрения к конституционным принципам этот поступок министерства вызвал только всеобщее одобрение. Все признали, что военная необходимость вполне извиняет такой образ действий. Все говорили, что для быстроты действий координирующего центра, с помощью которой только и могут быть успешно направляемы оборонительные и наступательные меры, необходимо это игнорирование парламента, или, что то же самое, это временное прекращение самоуправления. А потому, общественное мнение и чувство, отвечая на представленные ему уверения в необходимости удержать покоренные нами области, не только простило это возвращение к военному способу правления, но еще и порадовалось ему.

§ 267. Понятно, что общественные метаморфозы усложняются и затемняются в каждом случае многочисленными специ-

альными влияниями, которые не бывают вполне сходными даже в двух отдельных случаях. Когда общественный рост совершается с большой быстротой, то изменения в устройстве, сопровождающие увеличение общей массы, сильно усложняют те изменения, которые являются результатом преобразования в типе. Затем распутывание фактов бывает сильно затруднено также и в тех случаях, когда обе главные системы органов (органов поддержания жизни и органов обороны и нападения) развиваются одновременно. Таков, например, наш собственный случай. Развитие снова аппаратов для внешней деятельности, только что прослеженное на предыдущих страницах, и некоторое возвращение к общественной системе, соответствующей преобладанию этих аппаратов в обществе, не остановили у нас развития системы органов поддержания жизни и того общественного строя, который обуславливается преобладанием этой последней системы. Отсюда объясняются многие изменения, совершенно противоположные по своему духу тем, которые были перечислены нами выше. В то время как оживление в нашей церкви известных тенденций, имевших своим основным принципом утверждение иерархической власти, гармонировало с возвращением назад к военному типу, умножение разделений в недрах церкви, отстаивание личного суждения и ослабление догмы гармонировали с движением противоположного характера. В то время как новая система воспитания, стремящаяся к военному единообразию, подкрепляется каждым актом парламента, делающим ее все более и более строгой и все менее и менее гибкой, древняя система воспитания наших общественных школ и университетов становится все более пластичной и менее единообразной. Хотя все более и более усиливающееся вмешательство государства в способы обращения с наемным трудом находится в полном противоречии с принципами добровольной кооперации, тем не менее это вмешательство не дошло до того, чтобы совершенно извратить политику свободной торговли, которая постоянно расширялась под влиянием промышленного развития. Объяснение этих фактов заключается, как кажется, в сле-

дующем: в то время как старая принудительная система регулирования была упраздняема повсюду, где ее давление становилось невыносимым, она возобновлялась, — под влиянием обстоятельств, благоприятствовавших ее оживлению, — в тех областях, где давление ее еще не было хорошенько прочувствовано.

Сверх того обширные преобразования, внезапно вызванные появлением железных дорог и телеграфов, прибавляют еще более трудностей к различению метаморфоз того рола, который нас занимает здесь. Вследствие этих нововведений общественный организм перешел, в продолжение одного поколения, от такого состояния, при котором он походил на хладнокровное животное, с слабым кровообращением и с зачаточными нервами, к такому состоянию, при котором он походит на теплокровное животное, с обширной сосудистой системой и с развитым нервным аппаратом. Этой- то причине, более чем какой-либо другой, обязаны своим происхождением те сильные перемены в нравах, верованиях и чувствах, которые характеризуют наше поколение. Ясно, что это быстрое развитие распределительных и посреднических аппаратов помогало сразу и развитию промышленной организации, и развитию военной организации. Облегчая в громадной степени производительные деятельности, оно в то же самое время споспешествовало той централизации, которой характеризуется общественный тип, приспособленный для оборонительных и наступательных действий.

Но, несмотря на все эти усложнения, замаскировывающие занимающее нас отношение, мы не можем не заметить — сравнивая период с 1815 по 1850 с периодом с 1850 по настоящее время, — что усиление вооружений, учащение международных столкновений и возрождение воинственных чувств сопровождались усилением принудительной регулятивной системы. Несмотря на номинальное расширение индивидуальной свободы, выразившееся в расширении избирательных прав, эта свобода потерпела в действительности уменьшение со многих своих сторон, как вследствие многочисленных ее ограничений, вве-

ренных надзору все более и более возрастающей толпы должностных лиц, так и вследствие насильственного отбирания денег у граждан с целью доставления, или им самим, или другим на их счет, таких выгод, которые прежде приобретались каждым для себя на свой счет. Невозможно отрицать, что это есть настоящее возвращение к тому принудительному порядку, который проникает насквозь всю общественную жизнь там, где преобладает военный тип.

Итак, в общественных метаморфозах, поскольку они могут быть прослежены, мы открываем такие общие истины, которые вполне гармонируют с истинами, открытыми нами при сравнении между собой общественных типов. В общественных организациях, как и в индивидуальных, строение постоянно приспособляется к роду деятельности. Коль скоро обстоятельства вызывают основное изменение в форме деятельности, то, и в том, и в другом случае, результатом такого изменения является малопомалу основное изменение и в форме устройства. В обоих случаях существует также возвращение к старому типу устройства, вслед за возвращением к прежней форме деятельности.

Глава XII. ОГРАНИЧЕНИЕ СКАЗАННОГО И ОБЩИЙ СВОД ВСЕГО ПРЕДЫДУЩЕГО

§ 268. Всякий, кто пожелал бы сделать аналогии между организациями, индивидуальной и общественной, специальным предметом своего исследования, мог бы продолжить эти аналогии еще далее по многим направлениям.

Он мог бы легко подтвердить фактами ту общую истину, что, как в одном, так и в другом случае, с законченностью строения, или с приближением к такой законченности, способность к видоизменениям в строении уменьшается, и дальнейший рост прекращается. Вполне законченное животное, совершенно сложившееся во всех своих подробностях, противится новым изменениям всей суммой тех сил, которые придали его различным частям их различные формы; то же самое справедливо и для вполне законченного общества. В каждом из этих случаев орга-

низация утрачивает под конец всякую гибкость. Каждый орган животного и каждое общественное учреждение становится, с приближением зрелости, более связным во всех своих частях и более определенным; а потому представляет гораздо более сильное сопротивление тем изменениям, которых требует дальнейшее увеличение в объеме или изменение окружающих условий.

Затем он мог бы распространиться по поводу того общего факта, что, как в индивидуальных, так и в общественных организациях, вслед за полным развитием всех свойственных данному типу аппаратов, наступает медленный упадок и смерть. Конечно, он не мог бы представить удовлетворительных доказательств этого положения, так как древние общества, принадлежавшие по сущности своей деятельности к военному типу, погибали обыкновенно вследствие покорения их другими обществами; и это насильственное распадение мешало, в большинстве случаев, прохождению каждым из них полного цикла перемен, между тем как новые общества еще проходят пока через свои циклы. Но он мог бы пояснить и доказать свое положение примерами, почерпнутыми из рассмотрения судьбы различных отдельных частей новейших обществ, в особенности же примерами, взятыми из тех отдаленных времен, когда местное развитие имело лишь самую малую связь с общим развитием. Так, например, он мог бы указать на то, что многие старинные корпоративные города, с их гильдиями и промышленными регламентациями, становившимися постепенно все более многочисленными и строгими, медленно приходили в упадок и уступали свое место и роль новым городам, в которых отсутствие привилегированных классов делало возможной большую свободу промышленности: это значит, что функция старых аппаратов, потерявших всякую гибкость, постепенно узурпировалась новыми, более пластичными аппаратами. При рассмотрении всякого учреждения, общественного или частного, он мог бы показать, что постоянное умножение разных постановлений и правил, вводимых одно за другим ради приспособления действий

учреждения к требованиям настоящей минуты, делает под конец совершенно невыполнимыми дальнейшие приспособления их к требованиям будущего времени. И он мог бы заключить из этого, что такая же судьба ожидает и каждое общество, во всем его целом, т.е., что каждое общество, доведшее свои приспособления к настоящим условиям до полной законченности, теряет способность вновь приспособляться к будущим условиям, а потому под конец исчезает со сцены, если не путем насилия, то путем медленного упадка, обусловленного его неспособностью соперничать с более молодыми и лучше приспособляющимися обществами.

При достаточной смелости в сфере подобных умозрений он мог закончить свое исследование проведением параллели между процессами размножения в этих двух случаях. Первобытные общества размножаются обыкновенно путем деления; но войны и покорения нередко ведут здесь к слиянию одной группы с другой, после чего с течением времени снова наступает акт деления; очевидно, что он мог бы проследить аналогию этих процессов с тем, что мы видим у низших типов индивидуальных организмов, которые обыкновенно размножаются путем деления, но у которых от времени до времени наблюдается и обратный процесс, т.е. слияние двух индивидов в один, — слияние, известное у натуралистов под именем конъюгации (*conjugation*). Затем он мог бы показать, что в обоих случаях более крупные типы там, где они стали оседлыми, размножаются путем отделения от себя и рассеяния по сторонам зародышей, или семян. Взрослые организмы, став неподвижными, рассылают во все стороны группы таких единиц, из которых составлены они сами, — и эти группы, укрепившись в тех местах, куда они попали, вырастают в организмы, совершенно сходные со своими родителями, подобно тому, как оседлые общества отсылают из себя в разные стороны группы колонистов. Он мог бы даже сказать, что, как для успешного развития нового организма необходимо, или, по крайней мере полезно, чтобы зародышевая группа, отделившаяся от одного организма, соединилась с подобной же

группой, отделившейся от другого, однородного с ним, так точно и смешение колонистов, происходящих от одного общества, с колонистами, происходящими от другого подобного же общества, если и не необходимо, то крайне благоприятно для развития нового общества, отличающегося большей пластичностью, чем те старые общества, из которых вышли эти соединившиеся между собою единицы.

Но мы не намерены пускаться в дальнейшие догадки более или менее рискованного характера и потому оставляем наше сравнение на той ступени, до которой мы его довели в предшествующих главах.

§ 269. Результаты этого сравнения оправдывают в гораздо сильнейшей степени, чем можно было ожидать, идею об аналогии между обществом и организмом, — идею, высказанную не однажды философами и подразумеваемую даже в обыкновенном разговорном языке. Естественно, что эта идея была облакаема сначала в очень грубые формы. Взглянем здесь на некоторые из них. В Республике Платона, Сократ утверждает, что «государства таковы, каковы люди, ибо в основании их лежат людские характеры», — факт еще и доныне не признанный, как следует, во всей его силе. Высказав эту истину, Сократ продолжает рассуждать: «следовательно, если существует пять различных форм государственного устройства, то и число различных расположений индивидуального ума также равно пяти», — нелепый вывод из совершенно рационального положения. Разделение труда описывается в этом сочинении как общественная необходимость, но оно изображается скорее как порядок, который следует установить, чем устанавливающийся сам собой. И вообще, повсюду мы видим тут понятие, — от которого, впрочем, мы не отрешились вполне даже и до настоящей минуты, — что общество может быть искусственно устроено тем или другим образом. Утверждая, что сходство между гражданами и государствами таково, что свойства первых могут быть выведены из учреждений последних, Платон, несмотря на вышеприведенное его убеждение, что в основании государств «лежат людские ха-

рактеры», и что государства таковы, «каковы люди», все-таки думает, что эти государства, характер которых определяется свойствами граждан, могут, тем не менее, сами определять характер последних. Впрочем, главная ошибка той аналогии, которая существует, по мнению Платона, между индивидом и государством, заключается в том, что он сравнивает разум, страсть и желание, в первом из них, с советниками, исполнителями и торговцами — в другом. Т.е. взаимозависимые части политической организации аналогичны у него не взаимозависимым частям индивидуальной организации, а различным кооперирующим друг с другом проявлениям духа. Понятие Гоббса об этом предмете только с одной стороны подходит ближе к действительному рациональному представлению. Подобно Платону, он смотрит на общественную организацию не как на естественную, но как на искусственную: он даже вводит понятие об общественном договоре, из которого, будто бы, берут начало правительственные учреждения и который придает верховной власти ее неотъемлемый авторитет. Аналогия, представляемая им себе, может всего лучше быть выражена его же собственными словами: «Ибо искусством сотворен тот великий Левиафан, которого называют Обществом, Народом (Commonwealth), Государством, а по-латыни Civitas, и который есть не что иное, как искусственный человек, хотя и превышающий по своим размерам и силе естественного человека, для охранения и защиты которого он придуман. Верховная власть есть его искусственная душа, придающая жизнь и движение всему телу; судьи и другие чины судебного ведомства суть его искусственные сочленения; награды и наказания, понуждающие к действию и к выполнению своей обязанности каждое сочленение и каждый член, связанный с седищем верховной власти, суть нервы, исполняющие ту же самую роль в естественном человеческом теле»... и пр. Это сравнение, — поскольку оно есть сравнение главным образом между аппаратами того и другого, — оказывается более защитимым, чем сравнение Платона, которое есть сравнение между аппаратами одного и функциями другого. Но поименованные тут спе-

циальные аналогии ошибочны; да и общая аналогия страдает той же ошибкой, как и у Платона: ибо общественная организация приравнивается тут к организации человека, а такая аналогия должна считаться чересчур специальной. Принадлежит более новому времени, когда биологи уже открыли и установили до очень значительной степени общие основания всякой организации, и когда было уже признано, что общественное устройство не создается искусственно, но постепенно развивается само собой. Ог. Конт избег этих ошибок: он не сравнивал общественного организма с каким-либо особым родом индивидуального организма, но утверждал просто, что основания организации одинаковы в обоих этих случаях. Он смотрел на каждую ступень общественного прогресса, как на следствие предшествовавших ступеней, и признавал, что развитие строения идет от общего к специальному. Однако он не избег вполне старого ошибочного взгляда на учреждения, как на искусственные распорядки, ибо, противореча самому же себе, он считал возможным для обществ переорганизоваться на будущее время согласно с принципами его позитивной философии.

Да будет мне позволено указать здесь еще раз на то, что между политическим телом и живым телом не существует никаких других аналогий, кроме тех, которые составляют необходимое последствие взаимной зависимости между частями, обнаруживаемой одинаково и тем, и другим. Хотя, в предыдущих главах, мы во многих случаях сравнивали общественные аппараты и функции с аппаратами и функциями человеческого тела, но это делалось нами только потому, что аппараты и функции человеческого тела доставляют нам наиболее хорошо знакомые иллюстрации аппаратов и функций вообще. Общественный организм, будучи отдельным (*discrete*), а не конкретным; асимметричным, а не симметричным; чувствительным во всех своих единицах, а не в одном чувственном центре, не может быть сравниваем ни с одним, особо взятым типом индивидуального организма, растительного или животного. Все роды индивидуальных организмов сходствуют между собою постольку, по-

сколько каждый из них обнаруживает кооперацию между составляющими его частями для блага целого: и эта черта, общая всем им, есть черта, общая также и для всех обществ. Далее, сравнивая рахтичные типы индивидуальных организмов, мы находим, что степень этой кооперации измеряет собой степень развития (эволюции) в каждом случае; та же самая общая истина обнаруживается также и между общественными организмами. И еще далее. Для выполнения все более и более совершенной кооперации мы находим в индивидуальных организмах всевозможных порядков все более и более сложные приспособления для передачи друг другу взаимных влияний; соответственные этому явления видим мы и в обществах всевозможных порядков. Итак, единственная общность между двумя сравниваемыми нами родами организмов есть общность основных принципов организации³.

§ 270. Но теперь мы должны бросить рассмотренный нами параллелизм между организациями, индивидуальной и общественной. Если я и остановился на разработке этих аналогий, то только для того, чтобы употребить их, как леса, для постройки связного здания социологических индукций. Уберем теперь прочь эти леса; они уже не нужны нам более: добытые нами индукции будут стоять прочно и без их помощи.

Мы видели, что общества суть агрегаты, которые растут; что степень роста, достигаемая их различными типами, крайне разнообразна; что типы последовательно все более и более обширных размеров возникают путем агрегации и реагрегации типов меньших размеров; и что это возрастание путем слияний, в соединении с возрастанием путем заполнения внутренних проме-

³ Я имею свои причины отрицать с такой силой существование какой-либо специальной аналогии между общественным организмом и организмом человека. Первоначальный очерк того общего взгляда, который был развиваем в последних одиннадцати главах, был напечатан мною в *Westminster Review* еще в январе 1860 года. В нем я прямо и ясно отвергал представление Платона и Гоббса о сходстве между общественной организацией и организацией человека, утверждая при этом, что «мы не имеем никаких данных для допущения такого сходства». Тем не менее критики, разбиравшие эту статью (в *Saturday Review*), приписали мне ту самую идею, которую я так ясно осудил.

жужков, и есть тот процесс, посредством которого возникли обширные цивилизованные нации.

Возрастание в объеме сопровождается возрастанием сложности строения. Первобытные кочевые орды не представляют никаких постоянных несходств между своими частями. С переходом таких орд в племена возникают обыкновенно некоторые различия как между занятиями, так и между степенью власти отдельных членов. Соединение племен в союзы сопровождается появлением еще больших различий, правительственного и промышленного характера: вся масса общества распадается на несколько каст, или иерархических ступеней; в то же время появляются известные контрасты между отдельными частями общества, предающимися различным занятиям и населяющими различные местности. С прогрессом усложнения эти дифференциации умножаются все более и более. Они идут всегда от общего к специальному: вначале появляется самое крупное разделение между управляющими и управляемыми; затем, внутри правящего отдела, появляются разделения между политическим, религиозным и военным управлением, а внутри управляемого отдела возникают различия между классами, занятыми добыванием пищи, и ремесленными классами; затем, внутри каждого из этих второстепенных отделов появляются новые, более мелкие, подразделения, и так далее.

Переходя от строения к отправлению, мы видим, что, пока все части общества сходны и по своему строению, и по своей деятельности, между ними едва ли существует хотя какая-нибудь взаимная зависимость, и весь агрегат едва ли может считаться составляющим некоторое жизненное целое. Но по мере того как разные части агрегата принимают на себе различные отправления, они становятся все более и более зависимыми одна от другой, так что вред, нанесенный одной из них, вредит и остальным, пока, наконец, у очень высокоразвитых обществ, эта взаимозависимость не достигнет до такой степени, что всякое расстройство в одной какой-либо части вызывает общий беспорядок в целом обществе. Этот контраст между развитыми и не-

развитыми обществами зависит от того, что возрастание специализации отпавлений ведет к возрастанию неспособности каждой части выполнять функции других частей.

Организация каждого общества начинается с возникновения контраста между тем отделом, который ведет сношения, в большинстве случаев враждебные, с окружающими обществами, и тем отделом, который занимается добыванием всех житейских потребностей, причем эти два отдела на самых ранних ступенях развития исчерпывают собой всю организацию. Впоследствии возникает промежуточный отдел, служащий для перенесения продуктов и влияний от одной части к другой; после того, на всех последующих ступенях прогресса, развитие двух самых ранних систем аппаратов зависит уже всегда от развития этой добавочной системы.

Общий характер всей системы органов поддержания жизни определяется общим характером неорганической и органической среды, окружающей данное общество; отдельные же части этой системы дифференцируются соответственно различиям разных местностей; после локализации и специализирования первичных промыслов начинают возникать вторичные промыслы, находящиеся в зависимости от первых, причем они следуют в своей дифференциации тому же самому пути и соотносятся с теми же самыми принципами, как и первые. С усложнением и переусложнением общества и с развитием распределительной системы общественные части, посвященные одному и тому же промыслу, бывшие первоначально рассеянными, начинают стягиваться друг к другу и группироваться в наиболее благоприятных для того местностях; при этом локализовавшиеся промышленные аппараты, в отличие от правительственных аппаратов, разрастаются без всякого отношения к первоначальным границам территориально-политических отделов.

Увеличение в размерах, являющееся результатом слияния общественных групп в один агрегат, делает необходимыми средства сообщения, как для комбинирования действий оборонительного и наступательного характера, так и для обмена про-

дуктами. Сначала появляются едва заметные тропинки, потом протоптанные тропы, грубые дороги и, наконец, хорошие пути; такое облегчение сообщений ведет к переходу от прямого обмена к торговле, составляющей занятие особого класса, из которого развивается с течением времени сложный меркантильный аппарат оптовых и розничных распределителей. Передвижение товаров, производимое этим аппаратом, начинаясь в виде медленных приливов и отливов к известным местностям, через известные, длинные промежутки времени, переходит в ритмические, правильные и быстрые токи; также и материалы для поддержания жизни, распределяемые этими токами, будучи вначале крайне немногочисленными и почти вовсе не обделанными, становятся постепенно все более и более многочисленными и все более и более обработанными и пригодными для непосредственного потребления. Возрастающая успешность перевозки и возрастающее разнообразие перевозимых продуктов увеличивают взаимную зависимость частей и в то же самое время дают каждой части возможность лучше исполнять свою функцию.

В то время как система органов поддержания жизни развивается под влиянием сношений с неорганической и органической средой, регулятивная система развивается под влиянием оборонительных и наступательных сношений с окружающими обществами. У первобытных групп, живущих в полнейшем безначалии, временная война вызывает временное подчинение временному вождю, или временное главенство; хронические войны порождают постоянное главенство; а затем из военного контроля развивается постепенно и политический контроль. Постоянные войны, требуя быстрого комбинирования действий отдельных частей, делают необходимым умение подчиняться власти. Общества с малой способностью к подчинению исчезают, оставляя место тем, у которых эта способность к повиновению достаточно велика; таким образом, мало-помалу устанавливаются общества, у которых эта привычка к повиновению, вырабатываемая войною и сохраняющаяся затем и во время мира, переходит в постоянное подчинение правительственной власти.

Централизованная регулятивная система, развившаяся этим путем, есть единственная регулятивная система, какую мы находим на ранних ступенях общественного прогресса. Но у обширных обществ с преобладанием промышленной деятельности вдобавок к ней является еще децентрализованная регулятивная система, управляющая промышленными аппаратами; и эта система, сперва во всем подчиненная первоначальной системе, становится со временем существенно независимой. Наконец, и распределительные аппараты получают для себя свою собственную, независимую регулятивную систему.

Классифицируя общества, мы можем разделить их прежде всего на простые, сложные, вдвойне сложные, и втрое сложные; переход от самых низших обществ к самым высшим может совершиться не иначе, как через эти последовательные ступени усложнения. В другом отношении мы можем разделить общества, хотя и с меньшей определенностью, на воинственные и промышленные; причем первый из этих типов, в его вполне развитой форме, бывает организован на основании принципа принудительной кооперации, а второй, тоже в его вполне развитой форме, — на основании принципа добровольной кооперации: первый из них характеризуется не только деспотической центральной властью, но также и беспредельным контролем этой власти над поведением личности, а второй характеризуется не только демократической или представительной центральной властью, но также и ограничением ее контроля над поведением отдельных личностей.

Наконец, мы видели, что перемены в господствующей общественной деятельности влекут за собой общественные метаморфозы, т.е. перемены в общественном устройстве. Пока военный тип не облечен еще в такие законченные и закоченелые формы, которые противятся всякому новому видоизменению, возникновение в нем значительной промышленной системы всегда ведет к смягчению принудительных стеснений, характеризующих хищнический тип, и к ослаблению его специфических аппаратов. И наоборот, там, где широко развитая промышленная си-

стема установила свободные общественные формы, возобновление оборонительных и наступательных действий ведет за собой возвращение назад, к военному типу.

§ 271. Суммируя результаты этого общего обзора, посмотрим теперь, насколько он подготовил нас для дальнейших исследований.

Все рассмотренные нами факты согласно свидетельствуют в пользу того, что общественное развитие составляет часть развития (эволюции) вообще. Подобно всем вообще развивающимся агрегатам, общества обнаруживают интеграцию, проявляющуюся как в простом возрастании массы, так и в слиянии отдельных масс между собой и затем в новом слиянии этих сложных масс. А переход от однородности к разнородности обнаруживается тут на множестве примеров, в целом длинном ряду, начинающемся простым племенем, сходным во всех своих частях, и кончающемся цивилизованной нацией, преисполненной бесчисленных структурных и функциональных несходств. Возрастание интеграции и разнообразности сопровождается тут одновременным возрастанием связности между частями. Первобытная кочевая группа, распадающаяся на части и рассеивающаяся в стороны, не сдерживается вместе никакими узами; части племени уже теснее связаны друг с другом повиновением общему главе, или вождю: группа племен, соединившихся в политический союз, под управлением главного вождя и второстепенных вождей, представляет еще более прочное целое; и так далее, вплоть до цивилизованной нации, сплоченной настолько крепко, чтобы сохранять свою цельность в течение целого тысячелетия или даже более. Одновременно с этим обнаруживается возрастание определенности. Первоначальная организация крайне смутна и неопределенна; дальнейший прогресс приносит с собой более прочно установившиеся особенности общественного склада, которые постепенно становятся все более и более точно определенными; обычаи переходят в законы, которые, становясь более постоянными, становятся в то же время и более специфичными, в своих приложениях ко все более и более разнообразным дей-

ствиям; наконец, все общественные учреждения, вначале перепутанные между собой самым сбивчивым образом, мало-помалу отделяются одни от других, и в то же самое время внутри каждого из них происходит более резкое отделение друг от друга его отдельных составных частей. Таким образом, общественное развитие выполняет со всех сторон общую формулу развития (эволюции), — в смысле прогресса к большему объему, к большей связности, к большему разнообразию и к большей определенности.

Кроме этих общих истин, наш обзор открыл перед нами немало истин более специального свойства. Сравнения обществ, на постепенно восходящих ступенях их развития, познакомили нас со многими основными фактами касательно их роста, строения и отправления; касательно тех систем органов (система органов поддержания жизни, система распределительная и система регулятивная), из которых слагаются общества; касательно отношений этих аппаратов к окружающим условиям и к господствующей форме общественной деятельности и, наконец, касательно метаморфоз, претерпеваемых типами, под влиянием изменений в характере общественной деятельности. Те индукции, к которым мы пришли во время этого обзора и которые составляют, таким образом, грубый очерк эмпирической социологии, показывают нам, что в общественных явлениях имеется некоторый общий порядок сосуществования и последовательности, и что поэтому общественные явления составляют предмет науки, которая может быть сведена, по крайней мере до известной степени, к дедуктивной форме.

Итак, руководясь законом развития (эволюции) вообще и теми индукциями, которые были добыты нами выше, в согласии с этим законом, мы можем считать себя теперь достаточно подготовленными для того чтобы приступить к синтезу общественных явлений. Мы должны начать этот синтез с самых простейших из этих явлений, т.е. с тех, которые представляет нам развитие (эволюция) семьи.

POSTSCRJPTUM ко второй части

Некоторые из замечаний, сделанных в *Revue philosophique* (май, 1877), пронизательным, носочувственным критиком, Генри Марионом, указали мне необходимость прибавить здесь одно объяснение, которое предупредит, со стороны других читателей, возможность подобных же недоумений, вызванных моей кажущейся непоследовательностью.

Мосье Марион указывает на контраст, проводимый мною между теми типами индивидуальных организмов, у которых, рядом с развитой системой организмов питания, существует неразвитая система, и теми типами, у которых хорошо развитая нервная система дает организму возможность координировать свои внешние действия таким образом, чтобы успешно схватывать добычу и избегать самому врагов; причем он совершенно справедливо замечает, что я считаю первые типы относительно низкими, а вторые — относительно высокими. Затем он указывает, что я считаю аналогичными этим типам индивидуальных организмов те типы общественных организмов, которые отличаются — один широко развитой системой органов поддержания жизни, или промышленной системой, при слабом развитии регулятивной, или правительственной системы; а другие — менее развитой промышленной системой, в соединении с централизованной правительственной системой, делающей общество способным к успешной комбинации своих сил, в борьбе с другими обществами. После чего он старается показать, что, хотя при классификации животных типов, я ставлю типы с неразвитой нервной системой ниже, а типы с развитой нервной системой выше остальных, но что при классификации обществ я отступаю от этого принципа и безмолвно допускаю повсюду, что типы с преобладанием промышленной системы, или системы органов поддержания жизни, стоят выше тех типов, которые обнаруживают высокоцентрализованную и могущественную регулятивную систему. Он говорит: «Как натуралист, он, очевидно, считает наиболее централизованные состояния более высокими,

чем все остальные» (НІ, 516)⁴. Затем, распространившись насчет того отвращения, с которым я, «как англичанин либеральной школы», смотрю на такие централизованные общества, и насчет того предпочтения, которое я отдаю свободным, менее управляемым, промышленным обществам, он выставляет на вид мою непоследовательность, говоря: «Но вскоре, внутри его, моралист вступает в борьбу с натуралистом; и индивидуальная свобода, — представляющая, однако, принцип анархии, — находит в нем столько же горячего, сколько и неожиданного защитника»⁵.

Я очень сожалею, что при написании предшествующих глав я упустил из виду противопоставить жизнь индивидуальных организмов жизни общественных организмов, после чего происхождение этой кажущейся несообразности стало бы ясно само собой. Этот контраст между жизнью индивидуальных и общественных организмов состоит в следующем: индивидуальные организмы, как низшего, так и высшего порядка принуждены поддерживать свою жизнь посредством оборонительных или наступательных деятельностей, или же тех и других вместе: добывание пищи и защита от врагов всегда остаются для них существенными требованиями жизни. Отсюда является необходимость в регулятивной системе, которая могла бы координировать деятельности их чувств и членов. Отсюда же объясняется и превосходство, вытекающее для них из обладания централизованным нервным аппаратом, которому были бы вполне подчинены все внешние их органы. Но, по отношению к обществам, дело обстоит иначе. Нет никакого сомнения, что на первых, воинственных, ступенях общественного развития жизнь обществ, как и жизнь животных, зависит в очень значительной степени, — а может быть, даже и главным образом, — от их способности к самообороне и нападению; а потому на этих ступенях общества, обладающие наиболее централизованной регулятивной си-

⁴ «En naturaliste, il regarde visiblement comme superieurs aux autres les etats le s plus centralises».

⁵ «Mais bientot le moraliste en lui combat le naturaliste; et la liberty individuelle principe d'anarchie pendant, trouve en lui un defenseur aussi chaleureux qu'inattendu».

стемой, а следовательно, способные пользоваться своими силами с наибольшей успешностью, должны считаться наиболее высокими по отношению к этим временным требованиям жизни. Но эти требования имеют лишь временный характер. Возрастание промышленности и ослабление военных деятельностей постепенно приводят за собой такое состояние; при котором жизнь обществ уже не зависит главным образом от успешности их оборонительных и наступательных деятельностей по отношению к другим обществам, но зависит главным образом от тех качеств, которые позволяют им устоять в борьбе промышленного соперничества. Так что, высота положения, занимаемого обществом, по отношению к этим конечным требованиям, будет пропорциональна развитию в нем промышленной системы, а никак не развитию в нем той централизованной, регулятивной системы, которая делает общества пригодными к ведению войн. Итак, у животных мерило превосходства остается повсюду одно и то же, потому что те цели, которые приходится достигать, остаются повсюду теми же самыми; но в обществах мерило превосходства совершенно изменяется, так как подлежащие достижению цели тоже претерпевают полнейшее изменение.

Этот ответ подготавливает нам путь к ответу и на другое замечание мсье Мариона, сделанное им прежде этого. Я указал, в своем месте, что единицы, из которых слагается индивидуальный организм, будучи лишены по большей части способности к чувствованию, выполняют свои деятельности для блага известной группы единиц (образующих нервные центры), монополизировавшей в свою пользу всю чувствительность, — тогда как в обществах все единицы одарены способностью чувствовать. И я вывел из этого заключение, что в индивидуальном организме единицы существуют для блага агрегата, тогда как в общественном организме самый агрегат существует только для блага единиц. Мсье Марион, указав на эти взгляды, выражает свое удивление тому, что я, несмотря на столь ясное признание этого различия, так мало принимаю его в соображение во всем последующем исследовании, и не замечаю, что оно имеет огромное влия-

ание на все выводимые мною аналогии. Я могу возразить на это, что именно мое признание этого глубокого различия между целями, которым должна служить индивидуальная организация, и целями, которым должна служить общественная организация, и вызвало ту кажущуюся аномалию в оценке общественных типов, которая была объяснена выше. Общественная организация должна считаться тем выше, чем успешнее она служит благосостоянию индивидов, потому что в обществе единицы обладают чувствованием, тогда как сам агрегат бесчувствен; на этом основании индустриальный тип должен считаться более высоким, потому что при том состоянии постоянного мира, к которому стремится цивилизация, он служит благу индивидов лучше, чем милитарный тип. На прогрессивных ступенях развития милитаризма благосостояние агрегата имеет преимущество перед благосостоянием индивида, потому что последнее зависит от сохранения агрегата от уничтожения его врагами; а потому при воинственном общественном строе на индивида смотрят как на единицу, существующую для блага государства, и его личное благосостояние принимается в расчет лишь постольку, поскольку оно оказывается согласимым с поддержанием могущества государства. Но, по мере того как необходимость самосохранения для общества в его борьбе с другими обществами все уменьшается, подчинение индивидуального благосостояния — благосостоянию корпорации все уменьшается и уменьшается; и, наконец, когда агрегату не приходится уже более бороться с внешними опасностями, приобретаемая им организация, свойственная полному господству индустриализма, приводит к индивидуальному благосостоянию в самой высокой степени. Итак, индустриальный тип с его децентрализованными аппаратами, представляет высший тип потому, что он всего лучше служит тем целям (благополучия единиц), к достижению которых должна стремиться общественная организация, — в отличие от тех целей (благосостояния агрегата), которым должна служить индивидуальная организация, с ее централизованными аппаратами.